

От автора

Книга эта — не учебник по редактированию. Учебных задач я перед собой не ставлю, да и вряд ли овладению искусством в какой-либо степени может служить какой бы то ни было учебник. Задача книги иная: мне просто захотелось разобраться в опыте, накопленном мною и моими ближайшими товарищами, собрать и обобщить его, ввести читателя в круг тех мыслей, тех тревог и вопросов, на которые мне приходилось наталкиваться в течение трех десятилетий литературной работы.

Круг этот мною умышленно сужен, и я редко выхожу за его пределы. Приемы редактирования многообразны — я и не пытаюсь описать или хотя бы перечислить их все. Не желая «обнимать необъятное», я описываю и обобщаю в основном лишь тот опыт, который наблюдала непосредственно, в осуществлении которого сама принимала участие. Об иных навыках и приемах редакторской деятельности, об иной практике подробно пусть напишут другие. В литературной среде много толкуют о редакторской деятельности, однако в силу прочно укоренившейся традиции редко о ней пишут. И напрасно. Работе редактора, ответственной и сложной, пора стать предметом пристального, серьезного, разностороннего изучения.

Редактируя художественное произведение, советский редактор помнит, что задачи идеологические ре-

шаются в этой области художественными средствами; вот почему в этой книге нет глав, специально посвященных задачам идеологическим: демонстрируя поправки и советы редактора, я нигде не разлучаю работу над образами, языком, стилем с работой идейной, а пытаюсь показать идеологию и искусство в живом единстве. При этом я, разумеется, имею в виду, что рукописи идейно чуждые остаются за пределами редакторского портфеля.

В книге много цитат. Я в изобилии цитирую высказывания мастеров искусства и привожу, для иллюстрации, длинные отрывки из прозы классической и современной. Изобилие сознательное. Книга о редакторском труде не может не быть в известной мере и книгой о труде писателя — я нарочно пользуюсь каждым случаем, чтобы привести суждения мастеров¹. Характерные же примеры из рукописных текстов самого разного качества я привожу для того, чтобы читатель не был обречен брать мои суждения и оценки на веру, а работал бы вместе со мной, идя с моей мыслью шаг в шаг, принимая или отвергая ее.

Февраль 1960

¹ Выходные сведения и заглавия отдельных книг или собраний сочинений, цитируемых неоднократно, приводятся полностью лишь при первом упоминании.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новооткрытая сила

1

Двадцать четвертого сентября 1890 года Владимир Галактионович Короленко записал у себя в дневнике:

«Опять самородок и опять — неудачник! Господи, сколько этих бедных русских самородков, и как они несчастны! Пока я читал его стихи, он страстным, каким-то жгучим взглядом впился в мое лицо. Мой отзыв оказался не особенно благоприятным. Несмотря на то что он начал с заявления, что сам он считает свои стихи никуда не годными (все они так начинают), — он все-таки страстно опровергал все мои указания.

— А все-таки, — закончил он с горечью, — от кочегара до этого — дорожка дальняя... Пробейтесь-ка...

Да, трагическая судьба! Чувствовать в себе такой запас сил, который других выносит далеко и высоко, и знать, что всех его усилий хватило лишь затем, чтобы пробиться от кочегара — до плохого стихотворца. И лишь оттого, что обстоятельства сложились неблагоприятно. Сила таланта ушла на борьбу с безграмотностью, на то, что другим дается еще в детстве, без усилий, готовым»¹.

«Да, трагическая судьба!» Глубоко понимал трагизм подобных судеб и М. Горький. В 1911 году он задумал организовать «Общество для помощи писателям-самоучкам». («Имею в виду помощь, главным образом,

¹ В. Г. Короленко. О литературе. М.: Гослитиздат, 1957, с. 437.

моральную»¹, — разъяснял он.) «Я корплю над этим делом более десяти лет, — писал он одному из своих корреспондентов, — и — поверьте — на моих глазах погасло много светлых душ, которые обещали разгореться очень ярко и красиво. И погасли они лишь потому, что вовремя никто не помог, не поддержал. В бедной нашей стране надо беречь людей — не правда ли? Побежимте. Да и хороши люди, стоят больших забот»².

Горький на себе испытал, как труден путь самоучки, как важно, чтобы человека, собственными силами пробивающегося к знанию и к искусству, вовремя поберегли, поддержали. Всю жизнь помнил он свою встречу с Короленко — тот день, когда сам он, тогда еще безвестный и неумелый, попал в умные, твердые, добрые, надежные руки.

«Он очень много сделал для меня, многое указал, многому научил»³, — говорил впоследствии Алексей Максимович.

«У меня к нему было чувство непоколебимого доверия, — писал он вдове Короленко в 1925 году. — Я был дружен со многими литераторами, но ни один из них не мог внушить мне того чувства уважения, которое внушил В[ладимир] Г[алактионович] с первой моей встречи с ним. Он был моим учителем недолго, но он был им, и это моя гордость по сей день»⁴.

«Но он был им...» Это произнесено торжественно, веско, как будто на медали выбито. Тех, кто явился уни-

¹ Письмо А. А. Яблоновскому. Январь 1911 г. // *М. Горький. Собр. соч.* в 30 т. (1949–1955). Т. 29, с. 159.

² Письмо А. А. Яблоновскому, с. 160.

³ Отрывки из автобиографических сведений, посланных Горьким в письме Д. Городецкому в 1899 г. // *М. Горький и В. Короленко. Переписка. Статьи. Высказывания.* М.: Гослитиздат, 1957, с. 181.

⁴ Письмо к Е. С. Короленко. 7 октября 1925 г. // *М. Горький*, т. 29, с. 444.

верситетом на его трудном пути, Горький всегда поминал с торжественной благодарностью. Называя имена своих первых наставников, он и через много лет волновался до слез. «Больше не хочу писать. Я расстроился и растрогался при воспоминании об этих великолепных людях»¹. Так кончается одно из его писем, в котором он добрым словом поминает своих учителей, и в их числе Короленко.

Горький впервые пришел к Короленко в 1889 году. «Приехав в Нижний Новгород, — рассказывает Горький, — не помню откуда, я узнал, что в городе этом живет писатель Короленко, недавно отбывший политическую ссылку в Сибири»². Короленко в ту пору был уже известный писатель, близкий к редакции издававшегося в Петербурге народнического журнала «Русское богатство». Через его руки проходили десятки и сотни произведений начинающих авторов — рассказы, повести, стихи, статьи, романы. Он вел обширную переписку с авторами, подробно разбирая их литературные опыты. А. М. Пешков, не напечатавший в ту пору еще ни единой строки, был для Короленко одним из сотен незнакомцев, просивших его совета. Горький принес на суд Короленко «Песнь старого дуба». Молодой автор, по собственному его признанию, искренне верил, что им написано нечто замечательное, что «грамотное человечество», прочитав эту поэму, «благотворно изумится» и «правда повести... сотрясет сердца всех»³. Короленко нанес этим упованиям сокрушительный удар. «Ритмической прозой я написал огромную „поэму“ „Песнь старого дуба“, — вспоминал впоследствии Горь-

¹ М. Горький и В. Короленко. Переписка. Статьи. Высказывания, с. 182.

² М. Горький. Из воспоминаний о В. Г. Короленко // М. Горький, т. 14, с. 241.

³ М. Горький. Время Короленко // М. Горький, т. 15, с. 6.

кий. — В. Г. Короленко десятком слов разрушил до основания эту деревянную вещь...»¹ Но хотя надежды автора на то, что детище его увидит свет, не оправдались, хотя «деревянная вещь» оказалась разрушенной и автор испытал тяжелое чувство стыда за свое неумение, за свою малограмотность и слушал спокойные слова Короленко, «желая только одного — бежать от срама»², — встреча Горького со старшим писателем оказалась глубоко плодотворной. «Короленко первый сказал мне веские человеческие слова о значении формы, о красоте фразы, я был удивлен простой, понятной правдой этих слов и, слушая его, жутко почувствовал, что писательство — не легкое дело»³.

Однако редакторское искусство Короленко сказалось при встрече с Горьким не только и не столько в том, что он сумел объяснить молодому писателю, почему «поэма», которой автор надеялся преобразовать человечество, малограмотна, неумела, наивна, плоха. Это, вероятно, было бы по силам всякому добросовестному и опытному литератору, редакторское чутье Короленко сказалось в том, что, отвергнув «поэму», он не отверг автора, что за неумелым, а местами и малограмотным текстом он разглядел дарование и, как человек, чувствующий перед литературой свою ответственность, стал обдумывать возможные пути развития нового дарования. В следующие свои встречи с Горьким Короленко убедился, что этот молодой человек, сочинивший беспомощную аллегорию в стихах, отлично рассказывает, что он много видел и еще того более пережил. И в первой же записке Короленко, обращенной к Горькому, мы читаем:

¹ М. Горький. О том, как я учился писать // М. Горький, т. 24, с. 489.

² М. Горький. Время Короленко // М. Горький, т. 15, с. 15.

³ Там же, с. 16.

«По „Песне“ трудно судить о ваших способностях, но, кажется, они у вас есть. Напишите о чем-либо пережитом *вами* и покажите мне»¹.

Короленко говорил окружающим, что в неудачных опытах Горького чувствуется своеобразная сила: «...пробы сами по себе неудачны, но свидетельствуют о таланте»². Ту же мысль он упорно повторял в письмах в редакции газет и журналов, куда пытался пристроить рассказы и стихи Горького. «Это самородок с несомненным литературным талантом, еще не совсем отыскавшим свою дорогу»³, — писал он, например, Н. К. Михайловскому и делал все возможное, чтобы, преодолевая недомыслие и сопротивление редакций, проложить путь к читателю своеобразной новооткрытой им силе.

«...Вы хорошо говорите, выпукло, ярко, крепким языком»⁴, — сказал Короленко Горькому в одну из их последующих встреч. «...Вы хорошо рассказываете. Вот что — попробуйте вы написать что-либо покрупнее, для журнала. Это пора сделать. Напечатают вас в журнале, и, надеюсь, вы станете относиться к себе более серьезно»⁵.

Горький в то время был уже автором «Макара Чудры», «Емельяна Пиляя», «Старухи Изергиль», многих стихотворений и сказок. Иногда его печатали в газетах, главным образом провинциальных, но в толстых столичных журналах не напечатали ни разу. «Что-либо покрупнее», написанное им по настоянию Короленко, что-нибудь «о пережитом» был известный теперь каждому школьнику «Челкаш», материалом для которого

¹ Там же.

² *И. Груздев*. Короленко и Горький. Горький: Обл. изд., 1948, с. 8.

³ Там же, с. 7.

⁴ *М. Горький*. В. Г. Короленко // *М. Горький*, т. 15, с. 34.

⁵ Там же, с. 41.

послужил подлинный случай, рассказанный Горькому в Николаеве, в больнице, соседом по койке.

В своих воспоминаниях о Короленко Горький так повествует об обстоятельствах, сопутствовавших рождению на свет «Челкаша»:

«Прощаясь со мною, он напомнил:

— Значит — пробуете написать большой рассказ, решено?

Я пришел домой и тотчас же сел писать „Челкаша“ ...

...Через несколько дней он... сердечно, как только он умел делать, поздравил меня.

— Вы написали недурную вещь. Даже прямо-таки хороший рассказ! Из целого куска сделано...»¹

«Расхаживая по тесной комнате, потирая руки, он сказал:

— Радует меня удача ваша.

Я чувствовал обаятельную искренность этой радости и любовался человеком, который говорит о литературе, точно о женщине, любимой им спокойной, крепкой любовью — навсегда. Незабвенно хорошо было мне в этот час, с этим лоцманом, я молча следил за его глазами — в них сияло так много милой радости о человеке»².

13 декабря 1894 года Короленко писал возглавлявшему редакцию «Русского богатства» Н. К. Михайловскому:

«„Челкаша“ в исправленном виде посылаю... Ах, как хорошо бы его напечатать в ближайших книжках. Рассказ хорош, а автор болен и бедствует...»³

Усилиями Короленко «Челкаш» в «Русском богатстве» через несколько месяцев был напечатан. Слава Горького росла. Таланту, «еще не совсем отыскавшему свою дорогу», старший товарищ помог отыскать ее.

¹ М. Горький. В. Г. Короленко // М. Горький, т. 15. с. 41.

² Там же, с. 42.

³ Письмо Н. К. Михайловскому. 13 декабря 1894 г. // В. Г. Короленко. О литературе, с. 500.

Горький и в зените мировой славы, и на склоне лет не забывал тяжести пройденного пути — пути писателя-самоучки в темной, нищей стране. Отсюда его постоянные заботы о писателях из народа, его попытки учредить «Общество для помощи писателям-самоучкам» до революции и неослабное внимание к начинающим литераторам — после. Уже в советское время, в 1928 году, объясняя свой интерес к начинающим (которых он любовно именовал «литературными младенцами»), он писал одному литератору:

«Тут, видите ли, дело в том, что я никогда не забываю о себе — малограмотном парнишке 12–16 лет и неуклюжем парне 17-и — 22-х. Сейчас мне — 60, и в нашем мире я что-то значу, чем-то ценен, кому-то нужен. Будучи несколько знаком с историей культуры, я не могу рассматривать мой случай как случай частный, а рассматриваю как одно из многих выявлений воли человека. Знали бы вы... сколько на путях моих я встретил замечательно талантливых людей, которые погибли лишь потому, что в момент наивысшего напряжения их стремлений — они не встретили опоры, поддержки»¹.

Горький прав: его случай не был «случаем частным». В царской России одаренные люди погибали во множестве. Мальчик Алеша Пешков, которого били за попытки читать книги, били за каждую сожженную им свечу, били за каждую истраченную на чтение минуту, вовсе не был исключением. О трагическом пути самоучек свидетельствует хотя бы переписка Короленко с авторами. «В 1915 году, — писал ему один начинающий, — я поехал в Москву и для того, чтобы достичь

¹ Письмо В. Я. Зазубрину. 23 февраля 1928 г. // *М. Горький*, т. 30, с. 73.

чего-нибудь, поступил... лакеем к известному московскому писателю. Три месяца 17 дней был я слугой, и когда заикнулся своему господину о моей работе, когда попросил его просмотреть мой небольшой рассказ, то он измерил меня таким презрительным взглядом, что — клянусь вам честью — у меня выступили, невольные выступили, слезы от полученной обиды»¹.

Сотни столь же горестных писем доводилось читать Короленко. Он вмешивался в трудные судьбы, он деятельно пытался помочь. Хлопотал о печатании, о высылке гонорара, посылал нередко собственные деньги (хотя заработок его был невелик, а семья большая), редактировал, наставлял, обучал. В книге А. Дермана «Писатели из народа и В. Г. Короленко» подробно освещена эта сторона общественной деятельности Короленко, как бы единственного члена несуществовавшего «Общества для помощи писателям-самоучкам». В той же книге собраны и конкретные его указания авторам.

«...Меня особенно удивила простота и ясность речи В[ладимира] Г[алактионовича]»², — говорил Горький, вспоминая через тридцать лет тот критический разбор, какому подверг Короленко «Песнь старого дуба». Сейчас, когда опубликованы сотни писем Короленко начинающим авторам, продолжает поражать простота и ясность его требований и удивительное соединение участливости, доброты с непреклонностью. На обучение молодых писателей Короленко тратил время щедро, не гнушаясь самой черной работы: так, кроме писем, объясняющих погрешности замысла, построения, языка, сохранилось письмо, в котором он объяснял одному неискушенному автору, как надлежит расставлять в диалоге знаки препинания.

¹ Цит. по кн.: А. Б. Дерман. Писатели из народа и В. Г. Короленко. Харьков — Киев: Книгоспілка, 1924, с. 93.

² М. Горький. Из воспоминаний о В. Г. Короленко // М. Горький, т. 14, с. 243.

«Когда говорят два или несколько лиц, — пишет Короленко, — то слова каждого лица начинаются с новой строки, перед которой ставится знак — (тире). Например:

— Здравствуйте, — весело сказал Федор Иванович. — Куда Вы идете?

— Здравствуйте, — ответил Иван Федорович, — я иду домой»¹.

Участливость Короленко превратила его в наставника начинающих, в постоянного ходатая за них перед редакциями газет и журналов. «Я очень одинок и плохо понимаю жизнь, — писал ему молодой Горький, — вы же так добры ко мне»². И в другом письме: «Я так рад, что вы за мной посматриваете и не отказываетесь так хорошо и просто указать мне на мои ошибки»³. За многими и многими благородно «посматривал» В. Короленко. В своей редакторской деятельности, как не раз уже отмечалось исследователями, Короленко — несомненный предшественник Горького: известно, что, сделавшись знаменитым писателем, Горький чуть ли не половину рабочего времени тоже тратил на чтение чужих рукописей и переписку с авторами. Как и учитель его, Короленко, указания авторам он делал простые и ясные; окончив разбор, расспрашивал о нуждах автора, о его бедах, желаниях и с доброй властностью вмешивался в человеческие судьбы: одному посылал деньги на лечение, другому — книги, третьего уговаривал приехать в Италию, четвертого убеждал непременно заняться такой-то темой. И хотя идейные устремления обоих писателей-редакторов были различны (Короленко работал в журнале народников, им владели многие народнические иллюзии, которые сказывались на его

¹ А. Б. Дерман, с. 124.

² В. Г. Короленко. О литературе, с. 665.

³ Там же.

собственном творчестве и на редакторской деятельности, а Горький, как известно, стал собирателем сил молодой советской литературы, наставником писателей, выдвинутых революцией пролетариата), обоих редакторов роднило между собой глубокое уважение к таланту, умение находить таланты в самой гуще народа и, найдя, воздействовать на них и служить им. «Дело в том, что я — заядлый литератор... — объяснял Горький в 1910 году, — чуть только увижу трепет нового таланта — так мне и захочется ковром лечь под ноги ему, дабы легко и без лишней траты сил шел он к своей высоте»¹.

Неисчислимо сделанное обоими писателями для того, чтобы тот, в ком теплится дарование, мог беспрепятственно идти «к своей высоте». Но, кроме самоотверженной щедрости, кроме умения находить талант и радоваться ему, объединяла Горького и Короленко в их редакторской работе еще одна черта — беспощадность, непреклонность требований. В тех случаях, когда рукопись представлялась им дурной, а человек — неталантливый, оба писателя-редактора считали своей обязанностью не скрывать своего мнения, а говорить автору резкую и точную правду.

«Знаете что? — писал Горький в 1905 году одному начинающему. — Бросьте-ка писать. Это не Ваше дело, как видно. Вы совершенно лишены способности изображать людей живыми, а это — главное». И заканчивал письмо так: «Литература — большое и важное дело, она строится на правде, и во всем, что касается ее, требует правды!»² «Книжку решительно не советую выпускать, — писал он другому, — если Вы не хотите, чтобы над Вами плумились, чтобы читатель забраковал Вас».

¹ Письмо к Л. А. Никифоровой. Май, не позднее 8[21] 1910 г. // *М. Горький*, т. 29, с. 114.

² Письмо А. Е. Добровольскому. Конец мая [начало июня] 1905 г. // *М. Горький*, т. 28, с. 371, 372.

И это письмо кончается, как рефреном, тем же утверждением: «Простите за резкость — правда всегда невкусна, но она всегда необходима, а в литературе — тем более, ибо литература есть область правды»¹. Беспощадное — и в своей беспощадности прекрасное письмо написал он в 1930 году из Сорренто одному начинающему. «...Примите дружеский совет: бросьте писать! Ничего у вас не выйдет, только время зря потеряете. Выгоднее и лучше будет для вас, если вы потратите это время на чтение книг. Для того, чтобы быть полезным работником литературы, необходимо хорошо знать грамоту, а вы знаете ее плохо. Литературный язык тоже незнаком вам. А главное — нет у вас никаких способностей для литературного труда»².

Побуждала Горького к прямоте и резкости преданность литературе, чувство ответственности за силу, за качество ее.

Высоко было развито это чувство и в Короленко. «...Как ни тяжело порой разбивать такие пламенные надежды, — писал он, — я всегда говорю правду резко и прямо. Считаю очень вредным поддерживать надежды, которым... не суждено сбыться: человек теряет интерес ко всякой другой работе, а за интересом теряется и способность. И жизнь испорчена»³. Когда после дружеского совета оставить литературные занятия, перестать писать автор все-таки прислал Короленко новую рукопись, Короленко пометил в своей редакторской книге: «Я виноват: дал в первый раз недостаточно жесткий отзыв»⁴. Трезвость взгляда он поставлял себе в обязанность. «Вообще я считаю своей обязанностью

¹ Письмо С. Н. Елеонскому. 13 или 14 [26 или 27] сентября 1904 г. // *М. Горький*, т. 28, с. 323.

² Архив А. М. Горького при Институте мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

³ *А. Б. Дерман*, с. 74.

⁴ Там же, с. 82.

предостеречь Вас, — писал он одному настойчивому автору, — что на литературные попытки Вы тратите Ваше время и силы непроизводительно. В жизни есть много дела и помимо литературы, но всякое дело требует труда, внимания и изучения. Литература — не менее, а более других занятий требует того же, и, кроме того, она требует еще специальных дарований...»¹ «Писать ли Вам дальше, — не знаю, — отвечал он другому. — Так писать, по-моему, не стоит»². И еще более энергично третьему: «Многоуважаемый Федор Иванович! Рукопись Вашу я прочел и должен Вам откровенно сказать, что она никуда не годится. Вам лучше это занятие бросить и не тратить напрасно свое время и силы на такое дело, которое не по Вас»³.

В письмах Короленко к начинающим литераторам часто встречается понятие «специальное дарование», «природная способность». Людей «из народа» он стремился поддержать, ободрить, обучить, выдвинуть, дать им возможность стать на ноги и в то же время категорически утверждал, что людям бесталанным, кто бы они ни были, в литературе делать нечего, что одно лишь происхождение автора «из народа» не дает ему права печататься. Никаких «скидок на биографию» Короленко не допускал. Когда один из наивных его корреспондентов предложил завести в журналах особые отделы, чтобы печатать там произведения авторов «из народа», не имевших возможности, ввиду социальной несправедливости, получить образование, Короленко ответил ему: «М[илостивый] г[осударь]! Вы спрашиваете: правы ли вы или неправы. И если не правы, то почему? В чем правы? Если речь идет о несправедливости такого строя, при котором на долю одних (немногих) при-

¹ Письмо к М. К. Соловьевой. 27 декабря 1901 г. // В. Г. Короленко. О литературе, с. 530.

² Письмо к И. Иоффе. 31 декабря 1908 г. // Там же, с. 554.

³ А. Б. Дерман, с. 100.

ходится и богатство, и образование, а другие живут в бедности и не могут развить природных дарований, — то, конечно, Вы правы. Да, такой порядок несправедлив. Но когда Вы думаете, что это может и должна исправить печать, открыв особые отделы для печатания хотя бы и слабых произведений, принадлежащих „писателям из народа“, то совершенно неправы. Этим путем ничего исправить невозможно. Плохие произведения от этого хорошими не станут, а авторы, стремясь к недостижимому, только будут себе портить жизнь. Литература не может признавать другого критерия, кроме *своего*...»¹

«Я хотел только сказать Вам еще раз, — объяснял он в другом письме, — что в деле литературы, в вопросе о напечатании или ненапечатании того или другого произведения, играет роль *единственно* только оценка его достоинства. Кто автор — это все равно, каковы бы ни были его личные обстоятельства, с каким бы трудом ни далось ему то, чего он достиг, — все это не может иметь никакого значения в вопросе о напечатании произведения»².

В другом письме, перечислив трафаретные, избитые фразы, которыми изобиловали рукописи начинающих, Короленко высказал свою основную мысль еще яснее: «Ошибки эти легко поправимы, но непоправимы шаблонность, однообразие, отсутствие таланта, за который авторы принимают свое молодое одушевление... В старину часто употребляли выражение: *res publica litterarum*. Тут нет сословий, для всех нужен один ценз — талант.... Нельзя печатать... плохие стихи только потому, что автор „из народа“»³.

И когда один автор, объясняя свои неудачи отсутствием покровительства, стал просить о покровительстве,

¹ Там же, с. 72.

² Там же, с. 120.

³ Там же, с. 73–74.

ссылаясь на то, что вот вошел же, мол, Горький в большую литературу благодаря помощи Владимира Галактионовича, Короленко сурово ответил: «Если предметы сами не теснятся в воображении и не ищут в нем своих образов — значит, Вы не художник, и никто Вам этого не продиктует»¹. «Ошибочно думать, что кто-нибудь мог „сделать“ писателя Горького. Он пришел ко мне с готовой рукописью. Первая была не вполне удачна, но видна была своеобразная сила. В следующих она развертывалась. Ко мне приносили сотни, вернее, тысячи рукописей, но много Горьких из них, несмотря на мои указания, — не произошло»². «Многие считают, что благодаря моему покровительству Горький стал писателем. Это басня. Он стал писателем благодаря большому таланту»³.

В этих строках примечательна не только редакторская скромность Короленко, но и то великое значение, которое он, неутомимый редактор, придавал самобытности, таланту, то есть элементам, от редактора совсем не зависящим. «Нужен один ценз — талант...»

3

«Для того чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству, мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень», — говорил В. И. Ленин в известной беседе с Кларой Цеткин в 1920 году. «...Мы в первую очередьдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры...»⁴

¹ Письмо Л. А. Парийскому. 6 июня 1910 г. // В. Г. Короленко. О литературе, с. 570.

² Там же, с. 569–570.

³ А. Б. Дерман, с. 153.

⁴ К. Цеткин. Воспоминания о Ленине // Ленин о культуре и искусстве. М.: Искусство, 1956, с. 520, 522.

Не понижать требования к литературе надо было, чтобы легче было пробиваться самоучкам, а совершить социальную революцию, чтобы образование, а вместе с ним и возможность развивать свой талант сделались достоянием всех. После Октябрьской революции слово «самоучка» утратило смысл: каждому ребенку и каждому взрослому государство, в той или другой форме, дает возможность учиться. Мальчик Алеша Пешков, у которого хозяева отняли свечи и который сквозь оконное стекло пытался стенкой кастрюли поймать зыбкий свет месяца, в нашей стране отошел в историю: чтобы читать книги, Алешам незачем ловить потихоньку свет луны, все Алеши давно сидят за партами. И судьба того начинающего, который сообщал Короленко, что он три месяца служил в лакеях у видного московского писателя, желая получить литературный совет, тоже не могла бы теперь повториться. Если внук его чувствует склонность к литературе, он, наверное, посещает в своем городе занятия литературного объединения. Одаренные люди получили возможность учиться тому, к чему влечет их призвание, в частности труду литератора.

Однако, как бы ни было полезно начинающему слово опытного мастера, руководящего семинаром в специальном литературном вузе или объединением при заводе, слово литератора, сидящего за редакторским столом, имеет для него особый вес и смысл: ведь это редактор открывает книге дорогу к читателю. «Быть или не быть», прозвучит ли обращенный к людям новый голос, или никто так и не услышит его, — решается в редакции. Ведь это редактор производит первоначальный отбор в потоке рукописей, ежедневно заливающим редакцию. Ведь это он выбирает среди произведений маститого писателя те, которые в первую очередь подлежат переизданию. Ведь это он предъявляет к принятой рукописи определенные идейные и худо-

жественные требования, он снаряжает книгу в великое плавание — в читательский океан. От степени его политической и литературной образованности, от широты его кругозора, от богатства его жизненного опыта, от того, дурной или хороший у него вкус, развито ли критическое чутье и чутье к особенностям стиля, от того, наконец, стремится ли он подогнать каждую рукопись под некий общий ранжир или открыть дорогу «своеобразной силе», чтобы легче было таланту идти «к своей высоте», от его доброжелательности и смелости, от его умения бороться за новую, открытую им силу, еще, быть может, неприметную другим, — от всех этих качеств редактора и редакционного коллектива в большой степени зависит качество получаемых читателем книг. А также и качество воспитания, получаемого не только читателем, но и писателем. Ведь каждая редакция своей повседневной работой над рукописями, своим общением с авторами в большой степени формирует писательскую индивидуальность. Каждая редакция — своего рода литературно-педагогический коллектив, воздействующий своими идейно-художественными воззрениями не только на тех, для кого пишутся книги, но и на тех, кто их пишет. «Редактор, — указывал Горький в 1928 году, — это человек, который в известной мере учит писателя, воспитывает его, как воспитывал Салтыков-Щедрин Сергея Атаву-Терпигорева, как помогал встать на ноги Осиповичу-Новодворскому и целому ряду других писателей. Так же отлично воспитывали молодежь В. Г. Короленко и А. Горнфельд, делали эту работу Викт. Острогорский, А. Богданович, Викт. Миролубов»¹.

Постараемся же вдуматься в горьковскую мысль, осознать, что означает хорошо «делать эту работу».

¹ М. Горький. О пользе грамотности // М. Горький, т. 24, с. 326.

Горький перечислил редакторов прошлого — ну а в наше время и в наших условиях?

Понадобилась целая жизнь такого деятеля сцены, как К. С. Станиславский, чтобы ответить на подобный вопрос, назревший в театральном искусстве. Работа редактора далеко не во всем аналогична работе режиссера, но уж, во всяком случае, не менее сложна и ответственна. Чтобы обобщить опыт мастеров литературы, занимавшихся редакторской деятельностью, — опыт Пушкина, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Короленко, Горького, чтобы учесть опыт, накопленный нашими книжными издательствами и редколлегиями журналов, и на его основе создать систему редакторского искусства — стройную, жизнеспособную, ясную, убедительную, подобную той, которая разработана в книгах, многочисленных статьях и речах великого преобразователя театра, — потребуется и в этой области свой Станиславский. Не сомневаюсь, что система эта будет когда-нибудь создана, что редакторское искусство получит прочную основу, какую получило благодаря Станиславскому искусство режиссера и актера, благодаря А. С. Макаренко — искусство педагога, благодаря усилиям советской переводческой школы — переводческое искусство. Но для того, чтобы приблизить день, когда будет создана эта система, необходимо уже сейчас копить и обзрывать материал, выносить на общественное обсуждение проблемы редакторского мастерства, вдумываться в приемы работы выдающихся редакторов прошлого и настоящего, делать попытки хотя бы самых первоначальных обобщений.

Оглавление

От автора	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Новооткрытая сила	7
ГЛАВА ВТОРАЯ. «Не верю!»	24
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Расфасованные слова	40
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Основной материал всякой книги	60
ГЛАВА ПЯТАЯ. Будылья татарника	127
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Редакционный оркестр	212
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Маршак-редактор	291